

Геннадий Овсянников.

Воспоминания об Андрее Макаенке
актера Купаловского театра
Геннадия ОВСЯННИКОВА

Это была его эпоха

Золотым временем в театре имени Янки Купалы принято называть те сорок лет, когда на его сцене одна за другой шли пьесы белорусского драматурга Андрея Макаенка. Здесь он нашел не только театральный «дом» для своих произведений, но и готовых персонажей пьес в исполнении актеров-купаловцев. Некоторые, как Галина Макарова и Геннадий Овсянников, стали постоянными героями едва ли не всех спектаклей по пьесам Макаенка, благодаря чему за ними закрепилась слава «макаенковских» актеров. Отдельные роли драматург писал специально «под них».

Макаенок выделял актеров национального типа, способных не сыграть, а именно прожить роль простого человека из народа, узнаваемого и такого близкого.

Именно Геннадию Овсянникову Макаенок доверил говорить со сцены головами белорусских мужиков из своих пьес. Десять лет эпизодических ролей в Купаловском предшествовали поворотной для Овсянникова главной роли Терешки Колобка в трагикомедии «Трибунал». С этого момента начинается «макаенковский» период в творческой биографии Геннадия Овсянникова. Не будь знакомства с Макаенком, «Трибунала», — кто знает, как бы сложилась актерская судьба Геннадия Степановича. А сейчас она такова, что Геннадий Овсянников — известный актер Купаловского театра, мэтр, Народный артист Беларуси (1974) и один из последних, кто удостоился звания Народного артиста СССР (1991). На этот год пришел юбилей не только Андрея Егоровича, но и Геннадия Степановича — ему исполнилось 80 лет. Круглую дату отметил в родном театре, здесь же поделился своими воспоминаниями о талантливом драматурге и прекрасном человеке, каким был и останется в памяти современников Андрей Макаенок.

— Вы помните, как познакомились с Андреем Егоровичем?

— Точно не помню. Наверное, здесь, в Купаловском театре. Визуально я его знал с тех времен, когда был студентом. Тогда шел первый спектакль Макаенка в Купаловском. Его как раз сдавал мой педагог, Константин Николаевич Санников: ставил «Выбачайце, калі ласка!». Это был год, по-моему, 1954-й, а я поступил в 53-м. Потом Макаенок почти каждый день приходил в театр, конечно, не так, как актеры на службу. Макаенка видели часто, он смотрел практически все свои спектакли. Обычно драматурга редко можно встретить на показе. Даже Дударева редко встретишь, только когда идет его спектакль или есть дело от СТД (Союз театральных деятелей. — П. П.). Я пришел в Купаловский театр в 57-м году, и сразу же Санников ввел меня в «Выбачайце, калі ласка!». Кое-кто ушел: вместо Пети Бондарева я играл бригадира Михальчука.

Я с Макаенком только здоровался, близко общаться с ним начали, когда стали работать над «Трибуналом». Он приходил на репетиции иногда, потому что больше был в разъездах. Помню, с «Трибуналом» мы много гастролировали: и по колхозам, и по немецким военным базам. И Макаенок, бывало, приезжал. Помню, он приехал на спектакль в какой-то украинский город с критиком Георгием Колосом, потом Колос статью написал, кажется, в «Неман». Колос собирал материал для книги о Макаенке, поэтому вместе они смотрели все спектакли, которые шли по Украине. Там почти в каждом городе свой музыкально-драматический театр,

и везде шел «Трибунал». Колос рассказал забавный случай. Везде приезд Макаенка воспринимали как сенсацию. После спектакля, естественно, фуршет. И вот в каком-то городе Колос заметил, что Макаенок какой-то мрачный, а его редко видели таким. Что такое? Оказывается, деньги кончились. Зашли в редакцию, собрали для Макаенка заказанную сумму, и вечером в театре был фуршет.

— Как Андрей Егорович работал с актерами? Ваша однокурсница Мария Захаревич в одном из интервью вспоминала, что Макаенок замечания мог деликатно нащептывать на ухо.

— Да, если персональные. А так мог сказать не только на ухо, из зрительного зала тоже. Когда ставили «Таблетку под язык», у моего персонажа был длинный монолог о земле. Там есть такая фраза: «Гэтая ж зямля за тысячы гадоў наскрозь прамокла ад людскога поту, набракла ад горкіх мужычых слёз. Ступі на яе — дык яна ж чвякае...» Макаенок подозвал меня и говорит: «Вот ты сегодня все это легко сказал. А ты должен с чувством: «Дык яна ж чвякае!» Сказать так, чтоб аж зачвякало в ушах у всех зрителей». Не знаю, получалось или нет, но я старался. Некоторые даже говорили, что жуть брала на этом моменте. Все замечания Макаенка были по делу. Он был артистичен. Если бы так сыграть сразу, как он прочитал пьесу, больше не надо было бы ничего выдумывать, долго копать. Его персонажи все с характером и с характерностью.

— То есть Макаенок мог бы быть не только драматургом, но и актером?

— Да! В принципе, да. Потому что я помню фотографию Володи Крюка, где Макаенок читает пьесу. Не знаю, как сейчас, но раньше она была выставлена в Доме литераторов на Фрунзе, 5. И так фотограф хорошо подловил момент! Очень здорово Макаенок читал. Когда такое происходило, даже те, кто не были заняты в постановке, все равно приходили в театр послушать Макаенка.

— А что бы вы могли сказать о нем как о человеке, о его характере?

— Если Макаенок вечером пришел в театр, значит, все голодные артисты будут сыты и в табаке нос будет. Заступался за актеров, помогал им. Неохота, правда, фамилии называть. Актер Толя М. играл Малыша в «Затюканном апостоле». И пришел тогдашний председатель горсовета — забыл, кто. Ковалев, помоему. Это давно было, в 70-е годы. Так Макаенок ему и говорит, мол, хороший актер, а без квартиры, ты подумай. Тот сказал: хорошо, да-да, будем думать... И Толя пока ничего не получает. В другой раз председатель привел в театр каких-то гостей, Макаенок опять там был и снова говорит ему: «Слушай, ты хочешь, чтобы я к тебе в кабинет пришел насчет квартиры?» Через пару дней Толя получает квартиру. Было такое. А потом уже, когда Макаенок стал депутатом, тут сам Бог велел. Ходили к нему, когда что-то надо было, может, попасть к кому на прием или пробить что-то. Конечно, обращались. Это был широкой души человек.

— Кстати, у Макаенка ведь были хорошие отношения с Петром Машеровым.

— Могу случай рассказать. Это произошло, когда Макаенок уже был депутатом. В перерыве проходил Машеров: «Егорыч, ты мне нужен. Потом зайди ко мне». А он разговаривал с кем-то из начальства. И тот сразу: «Андрей Егорович, может, вам надо что-то достать такое, дефицитное?» Раз сам Машеров сказал «Егорыч, зайди ко мне», значит, надо.

— Известно, что Макаенку приходилось пробивать на сцену «проблемные», подцензурные спектакли. Как, например, было с «Погорельцами».

— Да, «Погорельцев» сдавали раз шесть. Пьеса Макаенка начинается с ремарки на всю страницу о хозяйственном человеке — «...мужык, што заканапаціць кожную шчыліну, бо гэтая яго...». Там приведена, если не ошибаюсь, цитата из Энгельса. Начальники приходят: «Нет, что-то не так. Такого быть не может». Все с блокнотами, естественно. Не говоря уже о Министерстве культуры, приезжали из отделов культуры облисполкома, райисполкома. И из отдела культуры ЦК, разумеется. Раз сдали спектакль, второй... На третий пришел Макаенок, на худсовет. Я тогда, кстати, тоже был членом худсовета. Макаенок

Сцена из спектакля «Погорельцы».

сам ремарку прочитал, Энгельса процитировал, на худсовете спрашивает: «Ну, так что будем делать?» Ответом ему было молчание. Он: «Молчание — знак согласия. Тогда играем сегодня вечером!» Так Макаенок сказал. И действительно играли. Я не знаю эту «лестничную» иерархию, но там все друг от друга зависели. Сразу, как премьера, приходил Макаенок, или Машеров, или Кузьмин — второй секретарь ЦК Компартии Беларуси по идеологии. Помню, был съезд, поэтому никого из высокого начальства не было — все в Москве. А если Машеров в театре — все в театре: и обком, и горком, и, тем более, Министерство культуры.

— Во многих спектаклях по пьесам Макаенка вы выступали вместе с Галиной Макаровой, часто в роли супругов. Вас обоих считают любимыми актерами Андрея Макаенка. А вы считаете себя «макаенковским»?

— Получилось, что я сыграл во всех пьесах Макаенка. «Выбачайце, калі ласка!», «Лявониха на орбите». В «Затюканном апостоле» я был телекорреспондентом, появлялся только в телевизоре, потом этого персонажа играл Саша Денисов. «Таблетка под язык», «Святая простота», «Погорельцы». Можно сказать, прошел через всего Макаенка. Не помню, кто написал про меня: «ён нейкі „макаёнкаўскі“». Я не против этого. Сам не знаю, «макаёнкаўскі» — не «макаёнкаўскі». Это лестно, но не самому ведь о себе так говорить. Какая-то внутренняя адекватность художественному видению Макаенка у меня есть. Было такое, что почти одинаково думали обо одном и том же. Обоюдная тяга друг к другу, «плюс» и «минус». (Смеется.) Макарова Галина Климентьевна играла не только в «Лявонихе», еще в «Выбачайце, калі ласка!». А как сыграла в «Лявонихе»... «Людзі, ратуйце! Мая Лушка на арбіту выходзіць!» Вместе были «мужам і жонкай» в «Трибунале», в «Святой простоте». Я бы по-другому выразился: мы с ней персонажи пьес Макаенка.

— Гостили на знаменитой даче драматурга?

— Однажды Фома Воронецкий и я приехали помогать Жене Шабану — он строил колодец. Вдруг встречаем Макаенка, говорю: «Я сейчас приду». Зашли к Макаенку. Фома потом рассказывает, спохватился — нет и нет Овсянникова, а с дачи Макаенка слышно: «Полина-а!» — «Я, сонейка маё!» Мы там репетировали, выпили, и я забыл, зачем сюда приехал. Часто Макаенок подходил, спрашивал: «Што ты робіш сёння? Заняты?» — «Не, не заняты». — «Дык пойдзем павячэраем». К нашей компании присоединялись все, кто был свободен. Помню, как к Макаенку домой приходили Раевский, Луценко. Появлялись те, кто не был занят в постановке, например, Павел Степанович Молчанов.

— Смог бы кто-нибудь сыграть Макаенка? Вы взяли бы?

— Не знаю, нужен режиссер... Вспоминается, как Макаенок громко хохотал. Все почему-то молчат, и вдруг один Макаенок как засмеется! Я его сыграл бы по-своему. Играют же Горького, Ленина, Сталина. Правда, нужен автор, конкретная ситуация. В домашней обстановке я бы его показал запросто! «Ну что ты? Давай, давай! Ну что ты, ну ей-богу! Подумай, бандит такой!» Вот так он примерно разговаривал. По-моему, Лиля Давидович (Народная артистка БССР, актриса

Купаловского театра. — П. П.) ему сказала: «Вы не видели в театре «Ляпти-самоплясы»?» — «Нет, еще не ходил». — «Там Овсянников разговаривает точно как вы!» — «А кого он играет?» — «Царя Гороха». — «Не может быть, чтобы я, как царь, разговаривал!» Получилось, что я где-то амплитудами выходил на интонацию Макаенка. Не специально, характерность в таком ключе случайно образовалась. Не знаю, видел ли он меня в этой роли. Многие говорили, что я на него был похож.

— *Помните творческий вечер Макаенка в Купаловском?*

— Да, помню. Тогда Эрин приехал к нам ставить и сказал: творческий вечер Макаенка, а на сцене Овсянников. Я представлял выигрышные куски из спектаклей по пьесам Макаенка. Застолье с немцами из «Трибунала». Монолог Старого перед сыном в «Святой простоте».

— *Знаете что-нибудь о том периоде, когда Макаенок был главным редактором журнала «Неман»?*

— Знаю только, что Макаенок помог Евтушенко напечататься. Тот не мог нигде в Москве опубликовать свою поэму, а Макаенок поместил ее в «Немане». И тогда у нас в театре состоялась встреча с Евтушенко, кстати, после «Лявони-хи». Евтушенко читал новые стихи и рассказывал, что его чуть не выгнали из литинститута, когда он защищал пьесу «Выбачайце, калі ласка!». Кажется, ее обвиняли в антиидеологической направленности.

— *В пьесах Макаенка комическое соединяется с трагическим. Можно ли сказать то же самое о личности Андрея Егоровича?*

— Жанр трагикомедии — это высший пилотаж драматургической формы. От Макаенка осталась формула: в любой трагикомедии должно быть пять процентов высокой трагедии, а остальное пусть будет комедией. Чистой комедии в жизни не бывает, это только от собирательности и парадоксальности восприятия. Скажем, в пьесе Макаенка если старушка хлопыстнет мужика, вроде смешно, а на самом деле не очень, если докапываться до истины — отчего она это сделала? Ситуацию можно усугубить, это уже дело актера. Макаенок был всегда веселым, а свою трагедию носил в душе. Ему же хотели ноги отнимать после ранения. Кто знает, как у него в лазарете пистолет оказался, говорят, он грозился застрелить того, кто ампутирует ему ноги.

Опять же, несмотря на помощь Машерова, Макаенку нелегко было пробивать спектакли. «Трибунал» после Бобруйска был поставлен в Москве на Малой Бронной, мы с Макаровой приехали играть в их спектакле. На репетициях Раевский сказал пропустить монолог о власти. Я думал, для того, чтобы быстрее прогнать текст. Но Раевский знал, что из московского спектакля монолог выкинули, а я-то не догадался. И когда со сцены начал читать монолог, то увидел, что партнеры глядят на меня как-то странно. Раевский потом перед москвичами оправдывался, мол, думал, раз в Москве идет «Трибунал», значит, разрешили. В «Трибунале» ситуация своего рода «капустническая»: связали человека, в мешок посадили, одна голова торчит, человек трепыхается. И вдруг серьезный монолог о власти. Зритель смеялся, а на этом моменте затихал, слушал.

— *Часто Макаенок посещал постановки своих пьес? Подходил к актерам с комментариями после спектаклей?*

— Да, часто. Он всегда делал замечания: «О, ты сегодня по-новому... Хорошо, хорошо, импровизируй». Еще у него была такая привычка. В зрительном зале нашего театра справа есть ложа, тогда она считалась директорской. Там висели шторы, и Макаенок сидел за ними и смотрел спектакли. Сначала, конечно, из зрительного зала, а потом и в сам зрительный зал поглядывал — как принимают. У Макаенка дома висела большая фотография: зрительный зал, наверное, на «Лявонихе на орбите», потому что я стал бывать дома у Макаенка после «Трибунала», а она уже висела. Тоже работа фотографа Володи Крюка. На снимке у всех лица такие разные, интересные! В общем, любил драматург наблюдать за реак-

цией зрителей. Не так смотрел, как начальство, — все с блокнотами, выписывают блох, ловят, кто что не так сказал, — а как простой зритель, который пришел за эмоциями, за историей. Когда в театре поставили «Святую простоту», проходил очень важный, кажется, XXII съезд КПСС. У Бориса Владимировского в спектакле был такой текст: «У дрянным правіцельстве, як і ў палонцы, наверх усплывае самае лёгкае». И министр культуры Юрий Михайлович Михневич запретил его произносить до окончания съезда. Так что не все показы проходили гладко.

— *Что можете сказать о языке его пьес? Заучивали и произносили как свое?*

— Как свое! В пьесах Макаенка русский язык органично смешивается с белорусским. Язык — не тряснянка, скорее, «сучасная размоўная мова». Как в жизни. Скажем, фраза «Доўга коўзаўся, таму і падкаваўся». В русском переводе «коўзацца» — «скользить». Но скользить можно по полу, по льду, а «коўзацца», как дети на попе с горки, которые ходят потом в подранных штанах. «Доўга коўзаўся, таму і падкаваўся» — целый образ. Метафора какая! У Макаенка много таких «трапных» словечек.

— *Есть мнение, что пьесы Макаенка потеряли актуальность, если не считать «Затюканного апостола». Вы согласны?*

— Я вот сейчас шел и думал: Макаенок — это целая эпоха. В драматургии не просто Беларуси, а тогда СССР. Спектакли по Макаенку шли во всех театрах. У Алексея Дударева был театр, которым командовал Мазынский, сначала у нас на малой сцене, потом в Клубе ветеранов. Там поставили «Трибунал», я играл с их артистами. Потом пьесу ставил Анисенко в РТБД, Мархель играла Полину. «Затюканный апостол» идет сейчас в Русском театре, только под новым названием — «Оракул?..». Все в пьесах Макаенка было не в бровь, а в глаз о ситуации в стране. Нехорошее слово, мол, «однодневки», как говорят о «Выбачайце, калі ласка!». Кстати, когда спектакль прошел по всему Союзу, в сборнике пьес появилась вступительная статья Шамякина. В ней он пишет о том, что после премьеры в театре Янки Купалы на сцене как будто взорвалась бомба и что только через год было постановление ЦК КПСС о приписках и об очковитирательстве, а Макаенок поднял эту тему гораздо раньше. Как и поэт, драматург — пророк в своем отечестве.

Помню, еще при жизни Макаенка восстанавливали «Лявонику на орбите». Я был «четвертым» Максимом — трое актеров, в разное время его игравших, уже умерли, в отношении этой роли существовало суеверие, но ничего, я пережил. Так вот, хотели взять из пьесы бытовые сцены, начало и финал без второго акта. Там действие происходит в обкоме, и все разговоры о том, чтобы отдать корову в колхоз. А теперь все поменялось, наоборот стало: разводи гусей, коров, только работай. Макаенок тогда сказал такую фразу: «Когда мужики заберут обратно своих коров из колхоза Орловского, вот тогда я буду переделывать пьесу». Потом постановка сама по себе сошла со сцены. А «Выбачайце, калі ласка!» тем более. Характеры выписаны — настоящий Салтыков-Щедрин вместе с Гоголем. Но темы сейчас уже не актуальны. Вот «Трибунал» можно ставить. Не я придумал, но я подслушал хорошее выражение: когда омолаживают спектакль, получается пожилой мужчина с крашеными волосами.

Сорок лет — это эпоха в театре. Поколение актеров сменяется через каждые двадцать пять — тридцать лет. Пьеса как жанр литературы — не просто текст, написанный в форме диалога. Одно слово может создать характер. Это была его эпоха, Макаенка. Был случай: после выездного показа «Выбачайце, калі ласка!» приходили за кулисы колхозные тетеньки к Лидии Ивановне Ржецкой и просили: «Будь ты у нас за старосту, наведи порядок». Значит, что-то их зацепило. Театр, как и любое искусство, должен чуточку опережать свое время, а не плестись за ним. Это как раз о пьесах Андрея Макаенка.